

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents

<https://elibrary.ru/DDVZWR>
УДК 821.161.1.0 + 821.133.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 + 83.3(4)6

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ШАРШУНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ДАДАИЗМА И ФРАНЦУЗСКОГО СЮРРЕАЛИЗМА

© 2026 г. С.В. Полонская

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 24 марта 2026 г.

Дата одобрения рецензентами: 04 мая 2026 г.

Дата публикации: 25 сентября 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-224-239>

Аннотация: Статья посвящена исследованию литературной и культуртрегерской деятельности Сергея Ивановича Шаршуна (1888–1975) — русского писателя и художника-эмигранта, чье творчество сформировалось на пересечении европейского дадаизма и культуры русского Монпарнаса. На материале дадаистских листовок-газет, организаторских проектов и прозаических текстов анализируется специфика его положения как пограничной фигуры — между различными культурными средами, художественными движениями и поколениями русской эмиграции. Рассматривается тяготение Шаршуна к словесным формам искусства в контексте литературоцентричности русской диаспоры, а также соотношение дадаистской и сюрреалистической поэтик в его творчестве. Особое внимание уделяется роли Шаршуна как посредника между западным и восточным авангардом. Делается вывод о том, что его пограничность и художественная непоследовательность, традиционно трактуемые как признак умеренности авангардных поисков, составляют его подлинную историко-культурную ценность.

Ключевые слова: русская эмиграция, дадаизм, авангард, Шаршун, русский Монпарнас, сюрреализм, культурный трансфер, «незамеченное поколение», заумь, маргинальность, человеческий документ

Информация об авторе: Софья Вадимовна Полонская — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
<https://orcid.org/0009-0003-6099-537X>

E-mail: polonskaya.sofya2014@yandex.ru

Для цитирования: Полонская С.В. Литературное творчество Сергея Шаршуна в контексте европейского дадаизма и французского сюрреализма // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 3. С. 224–239.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-224-239>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

LITERARY WORK OF SERGEY SHARSHUN IN THE CONTEXT OF EUROPEAN DADAISM AND FRENCH SURREALISM

© 2026. Sofya V. Polonskaya

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 24, 2026

Approved after reviewing: May 04, 2026

Date of publication: September 25, 2026

Abstract: This article examines the literary and cultural-networking activities of Sergey Ivanovich Sharshun (1888–1975), a Russian émigré writer and artist whose work emerged at the intersection of European Dadaism and the culture of the Russian Montparnasse. Drawing on Dadaist leaflet-newspapers, organizational initiatives, and Sharshun's prose writings, the study analyzes the specificity of his position as a liminal figure situated between distinct cultural environments, artistic movements, and generations of the Russian émigré community. Particular attention is paid to his orientation toward verbal artistic forms within the broader context of the literary centrism characteristic of the Russian diaspora. The article also examines the interaction between Dadaist and Surrealist poetics in his oeuvre. Sharshun's activities are further interpreted in terms of cultural mediation between the Western and Eastern avant-garde traditions. It is argued that his liminality and apparent artistic inconsistency, often regarded as evidence of moderate avant-garde engagement, in fact constitute his primary historical and cultural significance.

Keywords: Russian émigré literature, Dadaism, avant-garde, Sergey Sharshun, Russian Montparnasse, Surrealism, cultural transfer, “unnoticed generation,” zaum, marginality, human document

Information about the author: Sofya V. Polonskaya, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0009-0003-6099-537X>

E-mail: polonskaya.sofya2014@yandex.ru

For citation: Polonskaya, S.V. “Literary Work of Sergey Sharshun in the Context of European Dadaism and French Surrealism.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 224–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-224-239>

В ответах на анкету «Новой газеты» (1931), посвященную наиболее значительным произведениям русской литературы последних лет, Борис Поплавский и Юрий Фельзен отметили Сергея Шаршуна как одного из самых примечательных молодых прозаиков эмиграции. Но стоит также обратить внимание на следующие слова Фельзена, взятые из упомянутого опросника: «Предвижу упреки в литературном снобизме, но верю также, что найду единомышленников» [1, с. 479]. В сфере литературы фигура Сергея Ивановича Шаршуна (1888–1975) остается достаточно маргинальной вплоть до наших дней, несмотря на постепенно возрастающий интерес к изучению культуры русской эмиграции внутри микрокосма европейского авангарда и на востребованность Шаршуна как художника¹.

При этом художественная практика Шаршуна последовательно выходила за пределы какого-либо одного вида искусства или направления. Его творческий путь начался еще в Москве, где он сблизился с М.Ф. Ларионовым, Н.С. Гончаровой, А.Е. Крученых, принимал участие в студиях Н.И. Машкова, К.Ф. Юона. Однако взлет Шаршуна как «писателя»-авангардиста пришелся на рубеж 1910–1920 гг., когда Сержу после неудачной попытки вернуться в Россию удалось обосноваться в Париже. Здесь благодаря знакомству и сотрудничеству с Ф. Пикабиа, Т. Тцара, Г. Арпом, М. Эрнстом, М. Дюшаном он укрепил свое положение в кругу европейских дадаистов. Участие в авангардистских манифестациях, групповых выстав-

1 В 1988 г. в Центре Жоржа Помпиду прошла его персональная выставка, в 2006 г. экспонировалось около шестидесяти полотен в Русском музее, многие работы хранятся в Третьяковской галерее, в 2014 г. в Швейцарии вышел полный каталог живописи художника с 1912 по 1975 г. в пяти томах.

ках послужило благодатной почвой для разных творческих экспериментов Шаршуна: от обращения к абстрактной и кубофутуристической живописи, подготовки рисованных фильмов [10, с. 442] до создания разножанровых текстов — поэм «Слепой мозг» и «Неподвижная толпа», а также выпусков «летучих листовок»², рассказывающих о генезисе и особенностях развития европейского дадаизма и родственных ему течений в русской художественной среде.

Войдя в круг эмигрантского журнала «Числа», Шаршун начинает активно осмыслять окружающую его действительность через прозаические формы. При этом его художественные тексты выделяются определенной двойственностью: они детально воссоздают контекст франко-русской литературы и опыт эмигрантского жизнетворчества и вместе с тем представляют собой авангардную заумную прозу, сознательно уклоняющуюся от соотносительности с конкретными историческими лицами и обстоятельствами.

Стремление Шаршуна к экспериментаторству было обусловлено не только влиянием французского радикального окружения. В эти годы на литературную авансцену выходят такие писатели, как Б. Поплавский, В. Парнах, Б. Божнев, Ильязд, Д. Кнут и другие участники «героических времен молодой зарубежной поэзии»³. Многие из них были и свидетелями, и представителями авангардистских движений, возникших не только в эмиграции, но и на просторах Российской империи — в зачатках русского футуризма (подробнее см.: [15]) и проистекающего из него объединения «41 градус».

В то же время само попадание Шаршуна в реестр малоизвестных авторов кажется чем-то парадоксальным, учитывая его причастность к достаточно ярким культурным явлениям европейской и эмигрантской жизни межвоенных десятилетий. Однако даже в связи с французским дадаизмом и кругом русского Монпарнаса Шаршун «упоминается как представитель — более или менее типичный <...> привлекается лишь для того, чтобы иллюстрировать какое-то общее положение» [6]. Одновременно с этим критик Д. Кузьмин говорит о периферийности писателя как о преимуществе,

2 «Летучими» листовки называл писатель и живописец М. Андрееенко-Нечитайло, друг Шаршуна [25, с. 73–78].

3 Так Д. Кнут в ностальгических тонах описал юность своего поколения и творческую деятельность первых лет эмиграции, имея в виду В. Парнаха, С. Ромова, М. Талова и С. Шаршуна.

из которого проистекают его самобытность и уникальность, обеспечивающиеся также более близким положением Шаршуна к мировой культуре, чем к традиции метрополии [6].

Литературоведческих работ о нашем герое сравнительно немного. В то же время утверждать, что наследие Шаршуна полностью находилось за пределами интереса научного сообщества, было бы опрометчиво. Например, в связи с особенностями его прозы 1930-х гг. исследователи обращали внимание на нарочитую незаконченность, постоянное стремление к перекомпоновке и доработке Шаршуном собственных замыслов [17, с. 35]. Подобная особенность творческого метода писателя хорошо видна на примере композиции «солипсической эпопеи»⁴ «Герой интереснее романа» (1961⁵), которая выросла из отрывков опубликованной в «Числах» в 1934 г. прозаической поэмы «Долголиков»⁶. Как нам кажется, подобное стремление разомкнуть границы собственных текстов обусловлено влиянием дадаистской поэтики, которую Шаршун органично воспринял в начале 1920-х гг. и которой оставался верен на протяжении всей жизни.

Писателю принадлежала разработка идеи учреждения дадаистского сообщества в Москве⁷. В своих воспоминаниях Шаршун отмечал, что к организованному им вечеру, получившему название «Дада Лир Кан», он подготовил брошюру о дадаизме, состоящую из цитат его разных представителей. Позднее этот текст был опубликован в Берлине под названием «Дадаизм. Компиляция». А. Морар упоминает о списках произведений дадаистов, которые Шаршун должен был переводить на русский язык для своей антологии. В обнародованных исследовательницей материалов можно найти упоминания Т. Тцара, Ф. Пикабия, Ж. Рибмон-Дессеня, П. Элюара, А. Бретона, Л. Арагона и др. Мы видим, что проекты Шаршуна воплощают

4 Биографы и исследователи используют понятие солипсизм в связи с особым лирическим воплощением автобиографизма Шаршуна: [16].

5 Упоминание этого года находим в следующей работе: [9, р. 347].

6 Составитель сборника «Дадаизм» и автор биографического очерка С.М. Шаргородский отмечает, что это была «солипсическая эпопея-пенталогия»: [25]. В нее, помимо «Долголикова», входили лирическая повесть «Ракета» (1965), идиллия «Роздых» (1966), «Акафист Долголикову» (1967), «Подвернувшийся случай» (1967): [17, с. 34].

7 В свою очередь В. Хлебников также активно рассылал приглашения европейским дадаистам о вступлении в «Союз 317» — сообщество, призванное осуществить утопическую идею мировой гармонии.

в себе рефлексию на тему возможности сближения двух левобережных ветвей западного и восточного авангардов.

Поэтому закономерно, что славист Р. Герра выделяет Шаршуна как писателя, синтезирующего в себе иррационально-хаотическое (восточное) и рационально-точное (западное) начала [4, с. 142]. Подобное соотнесение может быть продиктовано не только стремлением Шаршуна прожить опыт затяжной тоски по родине, свойственной в большей степени «старшим» эмигрантам первой волны, но и особенностями дадаистского проекта, связанными с внешним отказом от прямой дихотомии взглядов и культур.

Основная часть литературной авангардистской деятельности Шаршуна заключалась в составлении небольших по объему газет-листочков — «причудливо озаглавленных композиций из разноприродных текстовых фрагментов» [5], напоминающих записную книжку писателя, которую он «без большого отбора преподносит читателю» [25, с. 388]. В дискурсе исследователей европейского авангарда эти листочки обозначаются как «специальная русская дада-газета» [12, с. 103]. Самый ранний цикл — «Перевоз» (13 номеров, 1922–1949) — Шаршун начал составлять в период расцвета дадаизма во Франции и продолжал распространять самиздатом вплоть до своей смерти в 1975 г., выходя таким образом далеко за рамки официально-го существования дадаизма как самостоятельного движения.

Исследователь немецкого дадаизма К. Дудаков-Кашуро выделяет Шаршуна как фигуру, выполняющую важную культуртрегерскую функцию в области русско-европейского авангарда. По его мнению, в дадаизме Шаршуна, безусловно, привлекали яркость позиции и скандальность, однако он практически не обращался к излюбленной европейскими дадаистами форме инсталляции, основанной на использовании «найденных» объектов и механических конструкций. Эксперименты с внедрением техник фотографии, реографии или ассамбляжей в собственный художественный мир занимали Шаршуна не так сильно, как словесные коллажи. Действительно, если не брать в расчет дадаистские вечера-перформансы, организованные Шаршуном, то его интересы периода дада тяготеют главным образом к вербальным формам искусства.

Это наблюдение вписывается в общую литературоцентричность русской эмиграции: литература в большей степени, чем, например, живопись или перформативные практики, позволяет аккумулировать диаспоричес-

кий опыт и сделать так, чтобы он «получил наиболее адекватное выражение» [13, с. 5]. Поэтому вербальное в противовес протоакционистскому, по всей видимости, было для Шаршуна не просто эстетическим предпочтением, но и формой, наиболее органичной его положению человека, находящегося между двумя культурами.

В то же время проблема языка занимает в дадаизме особое место. Об этом свидетельствует нарастающий интерес у немецких дадаистов и русских футуристов к фонетической поэзии, основанной на том, что В. Кандинский определит как *innerer Klang* (внутреннее звучание), и к смежным жанровым экспериментам, исследующим звуковую природу слова. В качестве ярких прецедентов можно выделить стихотворение Х. Балля 1916 г. «*Gadji beri bimba*» и заумные пьесы И. Зданевича конца 1910-х – начала 1920-х гг. из цикла «аслаблИчь.а. питЁрка дЕйстф». Однако при всем формальном сходстве этих экспериментов их внутренняя направленность различалась: так, заумь в лице лидера «41 градуса», одной из самых радикальных групп русского авангарда, в большей степени, чем поэзия европейского дадаизма, была направлена на созидание, на преобразование человека и жизни, а не на разрушение и упразднение [23, р. 249].

Высказывание теоретика авангарда П. Бюргера о том, что «акция дадаизма не обладает характером произведения, но все же является аутентичным проявлением художественного авангарда» [2, с. 78], может отчасти объяснить движение Шаршуна от перформативного к вербальному в рамках дадаистской парадигмы. Ощущая зыбкость статуса такого произведения искусства, писатель, сочетающий в себе идентичность дадаиста и писателя «*déraciné*» («лишенного корней»), пытается найти форму, в которой он смог бы более отчетливо вербализовать опыт разрыва связей с культурой метрополии. Проистекающие из подобного соотнесения идентичностей конфликтность и непоследовательность могут получать разные масштабы воплощения: от специфики определенных деталей внутри художественных текстов (например, выбор не первого, а третьего лица при сокращении дистанции между автором и нарратором [14, с. 58]) до целого мироощущения писателя, связанного с тем самым парадоксальным выпадением и из сообщества французских дадаистов, и из круга «Чисел».

Однако несмотря на то, что главной задачей движения дада было «лишение искусства онтологической устойчивости» [19, с. 210], оно несло

в себе потенциал жизнестроительной концепции. Одновременно с этим акцент на разрушении и некоторое пренебрежение «прерванной линией красивой традиции» [21, с. 131], свойственное главным «законодателям» европейского дада, сузили хронологические рамки данного направления: уже к 1923 г. дадаизм практически полностью себя изжил. Многие писатели, поэты и художники искали пути преодоления забвения дада-движения и выбирали для этого разные стратегии. В этом плане творческий путь Шаршуна как раз и оказывается примечателен: противопоставляя себя культурной политике А. Бретона, в конечном счете утвердившей доминирование сюрреализма, Шаршун внешне порывает с авангардом и предпринимает попытки интегрироваться в мир русского Монпарнаса.

Стремление писателей, образующих ядро русского Монпарнаса, отринуть «диктат» дореволюционного отечественного канона и усвоить культуру новой родины привело к определенной двойственности идентификации и, как следствие, к осознанному выбору стратегии маргинальной самопрезентации. В то же время можно сказать, что термин «незамеченное поколение», ассоциирующийся с писателями русского Монпарнаса, подобно направлению дада, противится «однозначным оценкам и теоретической устойчивости» [3, с. 43]. Их также объединяет деавтономизация литературного поля, стремление акций дадаистов и деятельности «незамеченных» к слиянию с жизненной практикой.

Важным постулатом для дадаистской эстетики также является демистификация художественного гения, вследствие чего возникает важная для дадаизма дихотомия индивидуального и коллективного. Но если в визуальном манифесте Ф. Пикабиа «Какодилатный глаз» — картине с изображением ока, окруженного именами разных художников, — категория индивидуального отрицается в принципе, упомянутая дихотомия в творчестве Шаршуна получает несколько иное преломление: при прочтении листовок создается впечатление, что авторский голос не пытается самоуничтожиться или исключительно иронически переосмыслиться. Когда Шаршун в «Перевозе № 1» повторяет свои имя и фамилию не меньше семи раз, это больше похоже на попытку обретения субъектности, утерянной за время недолгого, но насыщенного сотрудничества с дадаистами.

М. Сануйе отмечает, что Шаршун после своей первой персональной выставки в Париже, организованной Ф. Пикабиа, «занял место сре-

ди активных участников движения, хоть и не играл в Дада первых ролей» [18, с. 170]. Один из показательных случаев, демонстрирующих некоторые расхождения во взглядах Шаршуна и французских авангардистов, связан со знаменитым дадаистским вечером И. Зданевича в кафе «Хамелион», где Шаршун отказался принимать участие, поскольку его действия не одобрялись другими дадаистами. Позднее под впечатлением от этой акции и под влиянием Ф. Супо он написал свой первый текст на французском языке — вышеупомянутую поэму «Неподвижная толпа».

Шаршун также участвовал в эмигрантских кружках и объединениях авангардистской направленности: в «Палате поэтов», «Ударе», «Через», «Гатарапак». Последнее старалось представить культуру «молодой» диаспоры как отдельное ответвление в модусе большого русского искусства. Показательно, что само слово «Гатарапак», по всей видимости, было придумано по той же модели, что и «дада», — с целью «поразить аудиторию отсутствием немедленно очевидного смысла» [20, с. 14]. Существует также менее распространенная версия, что название «Гатарапак» представляет собой анаграмму из имен его учредителей — А.С. Гингера, М.В. Талова и В.Я. Парнаха [7, с. 378].

Шаршун, считавший, что дадаизм может выступать универсальным посредником между западной и восточной культурами, принимает на себя роль перево(з/д)чика между ними. Квинтэссенцией его посреднической деятельности можно считать первый номер журнала-листовки «Перевоз/Transbordeur⁸ DADA», который Шаршун начал выпускать в Берлине в 1922 г.⁹ Интернациональный характер листовки обеспечивается принципом зеркальности: с одной стороны, он реализуется в самой графике слова «DADA», с другой — в двуязычном устройстве листовки, где каждый разворот зеркально дублируется: русский текст на одной странице, французский — на противоположной. Как справедливо отмечает А. Морар, подобный прием органично вписывается в дадаистскую логику переворота ценностей и иерархий [8, с. 233]. По издательским планам Шаршуна мы видим, что у его листовок была достаточно амбициозная и масштабная задача.

8 Буквальный перевод слова *transbordeur* — «пароход-паром». «Навигационную» тематику Шаршун подчеркивает через упоминания адреса редакции («Корабль без единого приключения»), а вместо номера он вводит обозначение «рейс».

9 Хотя впервые название «Перевоз дада» возникает еще раньше, в русскоязычной поэме «Слепой мозг» 1921 г.

Однако вопрос, в какой степени грандиозная цель сближения двух культур была им достигнута, остается открытым и дискуссионным. Можно попытаться ответить на него, принимая во внимание организаторскую деятельность Шаршуна.

Так, вечер с характерным названием «Дада лир кан», организованный писателем 21 декабря 1921 г. и задуманный как своего рода новый дадаистский манифест, не был оценен по достоинству ни французской, ни русской сторонами. Здесь, как и в рамках деятельности «Палаты поэтов», была предпринята попытка сближения левоориентированных европейских писателей и поэтов антисоветской ветви эмиграции. Шаршун многое сделал для того, чтобы мероприятие произвело внушительное впечатление на представителей диаспоры: заручился поддержкой М. Бюффе, В. Парнаха и даже Мэна Рея. В течение вечера были прочитаны произведения А. Бретона, Ф. Супо, П. Элюара и, в частности, самого Шаршуна. Однако по-настоящему новаторскую атмосферу, которую ждала публика от такого рода манифестации, Шаршуну создать не удалось. Известен достаточно показательный отзыв Элюара в письме к Т. Тцара от 4 января 1922 г.: «Вам, должно быть, говорили о вечере Шаршуна. У самых свинских русских в глазах отражалась скука» [18, с. 279]. В свою очередь негативная реакция со стороны русскоговорящей аудитории обнажает присутствующий разрыв между молодыми представителями радикального авангарда и умеренными эмигрантами.

Несмотря на то что Шаршун после упразднения дадаизма старался всячески отстраниться от бретоновского направления, исследователи вычленяют сюрреалистическую поэтику в его творчестве и на сугубо формальном, и на идейно-семантическом уровнях. Л. Ливак, используя оптику культурного трансфера, настаивает на том, что Шаршун и Бретон, связанные общим дадаистским прошлым, не могли существовать в творческом вакууме по отношению друг к другу¹⁰. Шаршун совершенно явно использует ассоциативный метод построения образов, не совпадающий с сугубо дадаистской иррациональностью. Можно обратить внимание на следующую цитату из романа «Долголиков»: «Голова — лестница пирамиды, первая ступень которой — подбородок» [26, с. 117]. Характерен и образ из листовки «Тень без тела» (1970): «нежный запах — потных ног цветка» [34,

10 О концептуальных параллелях в «Пути правом» и «Наде» см.: [14, с. 155].

с. 1]. Одновременно с этим в материалах парижской Франко-русской студии 1929–1931 гг. Шаршун наравне с Б. Поплавским упомянут как сюрреалистский прозаик и поэт [27, р. 22].

Поэтому вопрос о проницаемости границ сюрреализма и дадаизма в пределах творчества Шаршуна остается актуальным и дискуссионным. Так, эстонский поэт А. Раннит отмечает, что «дадаизм Шаршуна не утверждал установку на заявляющий протест иррационализм или очевидный анти-эстетизм» [11, с. 153]. А. Морар также акцентирует внимание скорее на различиях между поэтиками Шаршуна и французских дадаистов. По письмам Шаршуна к Т. Тцара мы можем понять, что ему была скорее близка образность будущих сюрреалистов Ф. Супо и П. Элюара. Для Сержа также оказывается важен природный тоpos в поэтических текстах, который дадаистской эстетике, связанной с урбанистичностью и машинностью, практически не свойственен. Помимо этого в дадаистских текстах Шаршуна, написанных по-французски, доминирует образ человека-осколка. Данный факт может указывать на то, что сам писатель подсознательно не воспринимал направление Тцара как что-то эстетически целостное и законченное.

Пограничное состояние Шаршуна, внешне постепенно обособливающегося от радикального авангарда и находившегося из-за своего возраста в определенной степени между старшей и младшей ветвями русской эмиграции, обеспечивало ему особое положение в диаспоральном модусе. Подобное стечение обстоятельств могло восприниматься, во-первых, как возможность преодоления границ между писательскими поколениями, а во-вторых, прийти очень кстати для маркировки шаршунского перехода от дадаистской эстетики к эстетике чисто эмигрантской, основанной на рефлексии о бессмысленности существования, экзистенциальном одиночестве, повышенном интересе к автофикциональности. По замечанию Л. Ливака, Шаршун, став писателем-монпарнасцем, в основном работал в распространенном в эмигрантской среде, но совершенно особом¹¹ из-за отсутствия четкой дефиниции жанре «человеческого документа», который у эмигрантов достаточно часто вступает во взаимодействие с новыми литературными формами, например, с сюрреалистической поэтикой. Мы склонны

¹¹ Особом еще и потому, что каждый писатель понимал этот жанр по-своему, и уместно поставить вопрос не о формировании определенной традиции, а о постоянном ее преодолении.

предполагать, что для Шаршуна «человеческий документ» — это не только способ самопридумывания, но и возможность использования авангардистских интуитивных практик создания текстов. Последнее обстоятельство роднит его с Б. Поплавским, для которого упомянутый тип текста является вмещением для автоматизма и потока сознания. В результате, нам представляется, дада-листовки эмигрантского периода тоже можно рассматривать как эманации «человеческих документов».

В отечественном литературоведении существует мнение, что авангардистские поиски Шаршуна носят скорее умеренный характер, а на каком-то этапе и вовсе приостанавливаются. Однако, как представляется, подобная оценка упускает из виду то обстоятельство, что именно пограничность и непоследовательность Шаршуна — его постоянное балансирование между дадаизмом и сюрреализмом, между французской и русской культурными средами — и составляют его художественную и историческую ценность. Процесс «раздвоения» русской литературы выводит на передний план вопрос об отдельной истории литературы эмиграции, которая оказывается благодатной почвой для реактуализации непризнанных художников. По замечанию А. Щербенка, именно история литературы «может адекватно описать литературу второго ряда» [22, с. 11]. В этом отношении анализ творчества маргинальных авторов, подобных Шаршуну, открывает возможность для более комплексного и непредвзятого конструирования истории литературы русской эмиграции внутри столь неоднородного и противоречивого явления, как европейский авангард.

Список литературы

Исследования

- 1 Адамович Г.В. «Последние новости». 1934–1935 / подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетей, 2015. 606 с.
- 2 Бюргер П. Теория авангарда. М.: V-A-C-press, 2014. 200 с.
- 3 Васильева М. К проблеме «незамеченного поколения» во французской литературе // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Международная науч. конф. / сост., науч. ред. Ж.Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М.: Русский путь, 2007. С. 43–62.
- 4 Герра Р. Профиль Шаршуна // Новый Журнал. 1976. № 122. С. 142–150.

- 5 Каспэ И.М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 192 с.
- 6 Кузьмин Д. «После чего дышится легче»: Сергей Шаршун // TextOnly. 2006. № 15. URL: <http://textonly.ru/case/?issue=15&article=5684> (дата обращения: 05.02.2025).
- 7 Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 1: Писатели русского зарубежья. 512 с.
- 8 Морар А. Сергей Шаршун и французские дадаисты // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Международная науч. конф. / сост., науч. ред. Ж.Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М.: Русский путь, 2007. С. 231–249.
- 9 Пахмусс Т. Из архивных материалов: Сергей Шаршун — русский художник и писатель // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1983. Vol. 24, № 3. Р. 347–355.
- 10 Померанцева Е.С. Сергей Иванович Шаршун // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 1: Писатели русского зарубежья. С. 442–444.
- 11 Раннит А. О Шаршуне // Русский Альманах / изд. 3. Шаховская, Е. Терновский, Р. Герра. Париж: [б. и.], 1981. С. 153–154.
- 12 Рихтер Х. Дада: искусство и антиискусство. Вклад дадаистов в искусство XX века. М.: Гилея, 2014. 357 с.
- 13 Рубинс М. Невыносимая легкость диаспорического бытия: модальности письма и чтения экстерриториальных нарративов // Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). Сб. ст. / под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка, Е. Гудвин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–52.
- 14 Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930 годов в контексте транснационального модернизма. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
- 15 Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. СПб.: ООО «Полиграф», 2009. 832 с.
- 16 Рюкина А.А. Особенности автобиографизма в творчестве С. Шаршуна // Казанская наука. 2013. № 3. С. 146–151.
- 17 Рюкина А.А. Поэтика литературного творчества С. Шаршуна: дис. ... канд. филол. наук. Орехово-Зуево, 2014. 267 с.
- 18 Сануйе М. Дада в Париже. М.: Ладомир, 1999. 637 с.
- 19 Седельник В. Дадаизм // Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка: в 2 кн. / отв. ред. А.Ф. Кофман; редколлегия: Е.Д. Гальцова, Ю.Н. Гирин, В.Б. Зусева-Озкан, Т.В. Кудрявцева, О.Ю. Панова, О.И. Половинкина, И.А. Эбаноидзе. М.: ИМЛИ РАН, Река времен, 2023. Кн. 1: А–О. С. 209–225. https://doi.org/10.22455/DLT_2023_1

- 20 Токарев Д.В. Между Индией и Гегелем: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 352 с.
- 21 Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Наука, 1977. 574 с.
- 22 Щербенко А. Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторике истории. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 232 с.
- 23 Menegaldo H. La jeune génération des avant-gardistes russes à Paris (1921–1930) // Slavica Occitania. 2000. № 10. P. 249–260.

Источники

- 24 Шаршун С. Вьюшка № 3. Париж: Вопрос, 1970. 4 с.
- 25 Шаршун С. Дадаизм / сост. и коммент. С. Шаргородского. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2012. 115 с.: ил. (Серия «Библиотека авангарда». Вып. VIII).
- 26 Шаршун С. Долголиков (отрывки из романа) // Числа. 1930. № 1. С. 117–135.
- 27 Le Studio Franco-Russe / textes réunis et présentés par L. Livak, sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. 623 p.

References

- 1 Adamovich, G.V. “*Poslednie novosti.*” 1934–1935 [“*The Latest News.*” 1934–1935], text prep., comp. and notes by O.A. Korostev. St. Petersburg, Aleiteia Publ., 2015. 606 p. (In Russ.)
- 2 Biurger, P. *Teoriia avangarda* [Theory of the Avant-Garde]. Moscow, V-A-C-press Publ., 2014. 200 p. (In Russ.)
- 3 Vasil’eva, M. “K probleme ‘nezamechennogo pokoleniia’ vo frantsuzskoi literature” [“On the Problem of ‘the Unnoticed Generation’ in French Literature”]. *Russkie pisateli v Parizhe. Vzgliaad na frantsuzskuiu literaturu, 1920–1940: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Writers in Paris. A Look at French Literature, 1920–1940: International Scientific Conference], comp. and scientific ed. by Zh.F. Zhakkar, A. Morar, Zh. Tassis. Moscow, Russkii put’ Publ., 2007, pp. 43–62. (In Russ.)
- 4 Gerra, R. “Profil’ Sharshuna” [“A Profile of Sharshun”]. *Novyi Zhurnal*, no. 122, 1976, pp. 142–150. (In Russ.)
- 5 Kaspe, I.M. *Iskusstvo otsutstvovat’: Nezamechennoe pokolenie russkoi literatury* [The Art of Being Absent: The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2005. 192 p. (In Russ.)
- 6 Kuz’min, D. “‘Posle chego dyshitsia legche’: Sergei Sharshun” [“‘After Which It Is Easier to Breathe’: Sergey Sharshun”]. *TextOnly*, no. 15, 2006. Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=15&article=5684> (Accessed 05 February 2025). (In Russ.)
- 7 *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh’ia: 1918–1940* [Encyclopedia of the Russian Emigre Literature: 1918–1940], vol. 1: Pisateli russkogo zarubezh’ia [Russian

- Emigre Writers]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1997. 512 p. (In Russ.)
- 8 Morar, A. "Sergei Sharshun i frantsuzskie dadaisty" ["Sergey Sharshun and French Dadaists"]. *Russkie pisateli v Parizhe. Vzgliaad na frantsuzskuiu literaturu, 1920–1940: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Writers in Paris. A Look at French Literature, 1920–1940: International Scientific Conference], comp. and scientific ed. by Zh.F. Zhakkar, A. Morar, Zh. Tassis. Moscow, Russkii put' Publ., 2007. pp. 231–249. (In Russ.)
- 9 Pakhmuss, T. "Iz arkhivnykh materialov: Sergei Sharshun — russkii khudozhnik i pisatel'" ["From Archival Materials: Sergey Sharshun—Russian Artist and Writer"]. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, vol. 24, no. 3, 1983, pp. 347–355. (In Russ.)
- 10 Pomerantseva, E.S. "Sergei Ivanovich Sharshun" ["Sergey Ivanovich Sharshun"]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia (1918–1940)* [Encyclopedia of the Russian Emigre Literature (1918–1940)], vol. 1: Pisateli russkogo zarubezh'ia [Russian Emigre Writers]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1997. pp. 442–444. (In Russ.)
- 11 Rannit, A. "O Sharshune" ["On Sharshun"]. *Russkii Al'manakh* [Russian Miscellany], ed. by Z. Shakhovskaia, E. Ternovskii, R. Guerra. Paris, 1981, pp. 153–154. (In Russ.)
- 12 Rikhter, Kh. *Dada: iskusstvo i antiiskusstvo. Vklad dadaistov v iskusstvo XX veka* [Dada: Art and Anti-Art. The Dadaists' Contribution to 20th-Century Art]. Moscow, Gileia Publ., 2014. 357 p. (In Russ.)
- 13 Rubins, M. "Nevynosimaia legkost' diasporicheskogo bytiia: modal'nosti pis'ma i chteniia eksterritorial'nykh narrativov" ["The Unbearable Lightness of Diasporic Being: Modalities of Writing and Reading Extraterritorial Narratives"]. *Vek diaspyry. Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020). Sbornik statei* [The Century of Diaspora: Trajectories of Foreign Russian Literature (1920–2020). Collection of Articles], ed. by M. Rubins; trans. from English by A. Stepanov, N. Makhlaiuk, E. Gudvin. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2021, pp. 5–52. (In Russ.)
- 14 Rubins, M. *Russkii Montparnas. Parizhskaia proza 1920–1930 godov v kontekste transatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse: Parisian Prose of the 1920s–1930s in the Context of Transnational Modernism]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 328 p. (In Russ.)
- 15 Terekhina, V.N., and A.P. Zimenkov, editors. *Russkii futurizm: Stikhi. Stat'i. Vospominaniia* [Russian Futurism: Poems. Articles. Memoirs]. St. Petersburg, "Poligraf" Publ., 2009. 832 p. (In Russ.)
- 16 Riukina, A.A. "Osobennosti avtobiografizma v tvorchestve S. Sharshuna" ["Features of Autobiographism in S. Sharshun's Works"]. *Kazanskaia nauka*, no. 3, 2013, pp. 146–151. (In Russ.)
- 17 Riukina, A.A. *Poetika literaturnogo tvorchestva S. Sharshuna* [The Poetics of S. Sharshun's Literary Work: PhD Dissertation]. Orekhovo-Zuevo, 2014. 267 p. (In Russ.)

- 18 Sanuie, M. *Dada v Parizhe* [*Dada in Paris*]. Moscow, Lodomir Publ., 1999. 637 p. (In Russ.)
- 19 Sedel'nik, V. "Dadaizm" ["Dadaism"]. *Slovar' techenii literatury XX veka. Rossiia, Evropa, Amerika: v 2 kn.* [Dictionary of Literary Trends of the 20th Century. Russia, Europe, America: in 2 books], book 1: A–O, ex. ed. A.F. Kofman; editorial board: E.D. Gal'tsova, Iu.N. Girin, V.B. Zuseva-Ozkan, T.V. Kudriavtseva, O.Iu. Panova, O.I. Polovinkina, I.A. Ebanoidze. Moscow, IWL RAS Publ., Reka vremen Publ., 2023, pp. 209–225. https://doi.org/10.22455/DLT_2023_1 (In Russ.)
- 20 Tokarev, D.V. *Mezhdue Indii i Gegelem: tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoi perspektive* [Between India and Hegel: The Works of Boris Poplavsky in a Comparative Perspective]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011. 352 p. (In Russ.)
- 21 Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. Literary History. Cinema], text prep. by E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)
- 22 Shcherbenok, A. *Dekonstruktsiia i klassicheskaia russkaia literatura: Ot ritoriki teksta k ritorike istorii* [Deconstruction and Classical Russian Literature: From the Rhetoric of the Text to the Rhetoric of History]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2005. 232 p. (In Russ.)
- 23 Menegaldo, Hélène. "La jeune génération des avant-gardistes russes à Paris (1921–1930)." *Slavica Occitania*, no. 10, 2000, pp. 249–260. (In French)